

Л.Л.Клочковский

Латинская Америка в современном мире

Расстановка основных сил и перспективы развития

В статье рассматриваются ключевые сдвиги в мировой экономической и политической структуре и их воздействие на страны Латинской Америки. Главной характерной чертой посткризисного развития мирового хозяйства стало усиление экономической неустойчивости, которое в перспективе может привести к ухудшению внешних условий экономического развития региона. В этой обстановке возрастает значение более активного использования внутренних движущих сил экономического роста, что диктует необходимость осуществления неотложных социально-экономических реформ.

Ключевые слова: многополярный мир, экономическая дифференциация, формирование новых стратегий развития, экономические и социальные реформы.

Мировой экономический кризис 2009 г. усугубил комплекс действовавших ранее тенденций и породил ряд новых явлений, открывающих путь для фундаментальных перемен в современной мирохозяйственной и политической обстановке. Речь идет о сдвигах в расстановке основных мировых сил, изменении характера движущих сил мирового экономического и политического развития, появлении новых возможностей для реализации стратегических задач ускорения хозяйственного прогресса, утверждения принципов социальной справедливости и упрочения демократии. В этих условиях перед странами Латинской Америки (как и других развивающихся регионов) со всей остротой встает вопрос о правильной и реалистичной оценке происходящих изменений и выборе эффективного курса, отвечающего их коренным национальным интересам.

Лев Львович Клочковский — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛА РАН (v.teperman@ilaran.ru).

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Одним из наиболее знаковых сдвигов, характеризовавших эволюцию мировой экономической и политической системы в первом десятилетии XXI в., стала тенденция к изменению ее структуры. Начало размыванию однополярного мира, сложившегося на рубеже 80—90-х годов в результате распада мирового социализма и ликвидации СССР, положили образование Евросоюза и заметное укрепление мировых позиций этой организации и возглавляющих ее ведущих западноевропейских государств. Однако ввиду тесного взаимодействия США с западноевропейским центром силы, данный процесс фактически не менял расстановку основных мировых сил и позволял США сохранить фундамент однополярного мира.

Ощутимые перемены в этой сфере наметились лишь в новейший период в связи со стремительным экономическим прогрессом КНР и заметным повышением ее международно-политического влияния. В условиях кризиса 2009 г., причинившего серьезный ущерб экономикам ведущих капиталистических стран, КНР продемонстрировала высокий экономический динамизм, превзошла по объемам производства все центры капитализма за исключением США и обозначила свои претензии на превращение во второй по значимости мировой центр силы. В итоге создались предпосылки для формирования новой двухполярной мировой структуры.

Указанная тенденция пока проходит начальную стадию. Главное отличие формирующегося двухполярного миропорядка от двухполярного мира, существовавшего во второй половине прошлого века, определяется принципиально иным соотношением сил. Тогда имело место противостояние двух мировых систем — мирового социализма и мирового капитализма, что обеспечивало поддержание паритета по крайней мере на важнейших направлениях (в первую очередь военно-стратегическом) и вместе с тем сопровождалось наличием непримиримых противоречий (прежде всего в сфере идеологии). В современных условиях Китай пока далеко отстает от США по уровню экономического и особенно научно-технического развития, и ему потенциально может противостоять объединенная мощь центров капитализма. В то же время социальные трансформации, происшедшие в КНР в последние десятилетия, определенная ориентация на использование рыночных принципов развития китайской экономики, если и не полностью снимают фактор идеологической непримиримости, то по крайней мере ослабляют его действие. Следует констатировать, что Китай пока видимо не готов брать на себя функции второго мирового центра силы и не проявляет заинтересованности в форсировании этого процесса. Таковы объективные реальности, определяющие мировую обстановку в начале второго десятилетия XXI в.

Обращает на себя внимание, что отмеченные явления получают совершенно иную трактовку в оценке как отдельных авторитетных специалистов, так и ведущих международных организаций. В наиболее цельном и развернутом виде эти подходы сформулированы экспертами Всемирного

банка в докладе «Многополярность: новая глобальная экономика», опубликованном весной 2011 г. Главный вывод экспертов Всемирного банка сводится к тому, что «формируется новый мировой порядок с более равномерным распределением экономической мощи, иными словами, происходит поворот в сторону многополярности»¹. Как явствует из доклада основной этого сдвига является превращение развивающихся стран в ведущую движущую силу мирохозяйственного развития. «Никогда ранее в современной истории, — говорится в докладе, — на авансцене многополярной экономической системы не находилось такого большого количества развивающихся стран... В течение ближайших двух десятилетий рост экономики развивающихся стран будет неизбежно оказывать решающее воздействие на глобальную экономическую и геополитическую обстановку»².

Эти общие выводы подкрепляются специальными расчетами по перспективам мирохозяйственного развития на ближайшие 15 лет, из которых следует, что в 2025 г. на развивающиеся страны будет приходиться более половины прироста мирового ВВП, а их доля в мировом производстве повысится с 36,2% в 2010 г. до 44,5% в 2025 г.»³.

Приведенные выводы вызывают немало сомнений. Прежде всего возникает вопрос, не происходит ли элементарная подмена понятий. Многополярная система в обычном понимании предполагает возникновение центров, не просто располагающих определенным или даже повышенным динамизмом хозяйственного роста, но способных оказывать серьезное воздействие на состояние мировой экономики. Таких центров в развивающемся мире, за исключением, может быть, в перспективе Индии, фактически нет.

Еще более важно, что все расчеты и выводы экспертов Всемирного банка по поводу возникновения многополярного мира строятся на базе включения в группу развивающихся государств Китая, который является страной переходной экономики и имеет в основе своей экономической стратегии особую модель соединения принципов социализма с принципами рынка. В этой связи представляется, что, видимо, КНР нельзя объединять с любыми другими странами, ибо это может привести к искажению реальных итогов текущего развития и оценок на перспективу. Приводимые в докладе данные дают наглядное тому подтверждение. Согласно расчетам экспертов Всемирного Банка, в 2025 г. на долю КНР будет приходиться примерно одна треть мирового прироста производства⁴. Но это означает, что реальный вклад всего развивающегося мира в мировой хозяйственный рост в 2025 г. будет составлять не более 20%, а с учетом большой неоднородности этой группы и при исключении из нее авангарда в лице Индии (6-7%) окажется и того меньше. Таким образом, ключевой вывод доклада о превращении развивающихся стран в главную движущую силу мирохозяйственного развития лишается обоснования, повисает. А вместе с ним повисает и концепция многополярности в мировой экономике.

Возникает принципиальный вопрос: не является ли концепция многополярности одним из абстрактных теоретических построений, какие перио-

дически конструируются отдельными специалистами или исследовательскими организациями? Может быть, не следует придавать большого значения этой идее? Однако следует признать, что в развивающемся мире данная концепция пользуется определенной популярностью, ибо с ее реализацией многие страны связывают надежды на укрепление своих мировых позиций и расширение маневренных возможностей в отношениях с центрами капитализма. Более того, идея многополярного мира служит важным ориентиром при принятии ответственных решений и формулировании ключевых стратегических задач, что достаточно часто приносит весьма противоречивые и неоднозначные результаты. С большой отчетливостью эта линия прослеживается в Латинской Америке.

Ориентация на эрозию основ однополярного мира и ослабление в ближайшей перспективе мировых позиций США стала решающим фактором жесткого противостояния влиятельной группы латиноамериканских стран и США на переговорах по поводу образования Соглашения о свободной торговле Америк (Acuerdo de Libre Comercio de las Américas, ALCA), которые в конечном счете завершились провалом данного проекта. Это обернулось серьезным поворотом латиноамериканской стратегии США: она была развернута в сторону разделения региона, подтягивания в свой ближний резерв Мексики, стран Центральной Америки и Карибов, наведения некоторых мостов взаимодействия с Бразилией и перехода на сугубо пассивные, выжидательные позиции в отношении большинства государств Южной Америки (особенно стран левой ориентации). Тенденции торможения торгово-экономического сотрудничества США с регионом, обозначившиеся еще на предыдущем этапе, заметно усугубились. Эти события получили неоднозначную оценку как в самой Латинской Америке, так и за ее пределами. Их нередко трактовали как важную победу национально-патриотических сил, давших отпор экспансионистским планам Вашингтона. Но несомненно и другое: не исключено, что в итоге Латинская Америка потеряла исторический шанс на расширение хозяйственного взаимодействия с США и использование его для ускорения своего развития и продвижения вперед по пути модернизации. В 2011 г. в преддверии визита президента США Б.Обамы в регион Экономическая комиссия ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) опубликовала специальное исследование, в котором констатировала отсутствие у США стратегического видения региона и их экономическую пассивность⁵. Но таков, видимо, закономерный результат выбора указанных стратегических ориентиров, повлекших за собой значительное осложнение отношений с ведущим экономическим партнером.

На этом фоне обращает на себя внимание выдвинутая в новейший период и активно продвигаемая в последнее время ЭКЛАК, Межамериканским банком развития и некоторыми другими международными региональными организациями модель решительного разворота латиноамериканских стран в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона и налаживания «стратегического партнерства» с КНР. В ее основе также лежит концепция становле-

ния многополярного мира. Можно констатировать, что торговые отношения государств Латинской Америки с Китаем отличались в последние годы довольно высоким динамизмом. Если в 2000 г. удельный вес КНР во внешней торговле региона составлял менее 1%, то в 2008 г. доля КНР в латиноамериканском экспорте превысила 7%, а в импорте составляла более 8%. Китай вышел на первое место среди покупателей чилийской и бразильской продукции и занял второе место в экспорте Аргентины, Перу, Кубы и Коста-Рики.

Разумеется, в основе произошедших сдвигов лежит прежде всего заинтересованность Китая в расширении закупок латиноамериканского продовольствия и сырья и продвижении на рынки региона китайской продукции. Вместе с тем эти сдвиги несомненно отражают определенный разворот в азиатском направлении правительственных и влиятельных деловых кругов латиноамериканских стран, рассчитывающих использовать в своих интересах динамизм экономического роста государств этого региона, прежде всего КНР. Эксперты ЭКЛАК ориентируют на дальнейшее увеличение роли КНР в торговле стран Латинской Америки. По их расчетам в 2020 г. удельный вес Китая в латиноамериканском экспорте возрастет до 19,3%, а в импорте до 16,2%⁶.

Следует, однако, подчеркнуть, что стремительное развитие этого взаимодействия несет с собой целый ряд осложняющих моментов. Прежде всего речь идет о консервации традиционной структуры латиноамериканского экспорта. Китай сосредотачивается на закупках довольно узкого круга продовольственных и сырьевых товаров (соя и соевое масло, рыбная мука, железная и медная руда, кожа, бумажная масса). Он не заинтересован в импорте латиноамериканской готовой продукции, а китайские готовые изделия, напротив, активно конкурируют с латиноамериканской промышленной продукцией как в третьих странах (прежде всего в США), так и на национальных рынках государств региона. В целом финансовые выгоды, которые приносят латиноамериканским странам расширение поставок сырья и продовольствия, нейтрализовывались экспортной экспансией КНР. Ряд стран (Мексика, страны Центральной Америки и Карибского бассейна) имели в торговле с Китаем крупный дефицит.

Таковы некоторые особенности практической реализации концепции многополярности мировой экономики. Особое место в утверждении ее реальности занимает так называемая группа BRIC (Бразилия, Россия, Индия и Китай).

BRIC — УГЛУБЛЯЮЩАЯСЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Как известно, концепция BRIC была выдвинута в начале 2000-х годов экспертами американского банка «Goldman Sachs». Эта группа включала Бразилию, Россию, Индию, Китай — страны, которые, по оценкам экспертов «Goldman Sachs», обладают значительным экономическим динамизмом и способны приблизиться или даже превзойти по объему производства ведущие капиталистические государства. Важно, однако, подчеркнуть, что на

старте концепция BRIC ограничивалась констатацией тенденции неравномерности развития и не увязывала ее с возможным изменением однополярного миропорядка.

Новую трактовку концепция BRIC получила в новейшее время, когда возникла идея расширения состава этой группы за счет включения в нее новых стран, и что самое главное, была дополнена идеей неизбежного превращения всех ее участников в мировые центры силы. В наиболее четкой форме эта трактовка дается экспертами Всемирного банка. Суть их предложений сводится к увеличению состава группы за счет включения в нее Южной Кореи и Индонезии и прогнозированию превращения ее участников в «глобальные полюса роста». Расшифровывая смысл данного термина, его авторы пишут: «...глобальный полюс роста представляет собой экономику, которая концентрирует в себе значительный экономический динамизм и которая стимулирует хозяйственный рост других стран в такой степени, что это оказывает воздействие на развитие мировой экономики в целом»⁷. Иными словами, речь идет о появлении шести новых мировых центров экономической мощи.

Применительно к латиноамериканскому региону группа BRIC была использована как исходный рубеж для формулирования концепции восходящих стран-гигантов, которая предполагала включение в данную группу в качестве пятого члена Мексики и провозглашала в перспективе возможность превращения Бразилии и Мексики в мировые центры силы. Возникает законный вопрос: как согласуется эта концепция с реальным положением, складывающимся в латиноамериканском регионе и в указанных странах?

Следует напомнить, что в послевоенный период Латинская Америка выступала по преимуществу как относительно слабое звено в системе мирового хозяйства. Это проявлялось в тенденции к определенному экономическому отставанию региона и ослаблению его мировых экономических позиций. Обобщающим показателем, выражающим эту тенденцию, является динамика удельного веса региона в мировом производстве. Согласно подсчетам экспертов ЭКЛАК, доля Латинской Америки в мировом ВВП характеризовалась следующими цифрами: 1950 г. — 7,8%, 1973 — 8,7%, 1980 — 9,8%, 1990 — 8,3%, 2006 — 7,7%. Таким образом, после некоторых успехов в 50-е, 60-е и 70-е годы на протяжении последующей четверти века происходил откат. Доля региона в мировом производстве упала ниже уровня 1950 г. Последние годы (с учетом кризисных трудностей) не внесли существенных изменений в эту тенденцию.

Четкое представление о процессах отставания Латинской Америки дают и показатели душевого дохода. Так называемый «экономический разрыв» (разница в уровне среднего душевого дохода) между Латинской Америкой и центрами капитализма за послевоенный период резко увеличился. Если в 1950 г. средний душевой доход в США и Канаде превышал соответствующий показатель Латинской Америки на 6,8 тыс. долл., то в 2006 г. эта разница составляла 23,6 тыс. долл. Аналогичным образом средний душевой доход Западной Европы превосходил в 1950 г. указанный показатель

региона на 2,1 тыс. долл., а в 2006 г. разрыв увеличился до 14,6 тыс. долл.⁸. Показательно, что Латинская Америка отставала не только от центров капитализма, но и от ведущих развивающихся регионов. Темпы роста душевого дохода латиноамериканских стран на протяжении послевоенных десятилетий были заметно ниже средних темпов по всему развивающемуся миру и регионам Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки.

Отмеченные тенденции были в полной мере характерны как для состояния национальных экономик, так и мирохозяйственного положения латиноамериканских стран-гигантов — Бразилии и Мексики. Следует признать, что им удалось добиться на некоторых направлениях несомненных успехов. Бразилия сумела продвинуться вперед в укреплении своего научно-технического потенциала и создании ряда новых отраслей промышленного производства (выпуск авиационной техники, бытовых компьютеров, электронного оборудования). Мексика на основе активного взаимодействия с США добилась заметного расширения оборотов внешней торговли. Но в целом темпы прироста их ВВП оставались довольно низкими и составляли за период с 1980 по 2010 г. в среднем менее 3%, что привело к снижению удельного веса Бразилии в мировом производстве с 3,52% в 1980 г. до 2,65% в 2010 г. и Мексики соответственно с 2,11% до 1,69%⁹.

Все сказанное, разумеется, не исключает возможности определенной динамизации экономического развития латиноамериканских лидеров. Но даже при наличии оптимальных условий предпосылки для их превращения в глобальные центры мирового хозяйственного роста не просматриваются.

Как представляется, фундаментальный просчет авторов концепции BRIC и ее новейших модификаций связан с попыткой поставить на одну доску Китай и другие развивающиеся государства и страны переходной экономики, что приводит к игнорированию глубочайших принципиальных отличий китайской экономической модели, обеспечившей стремительное продвижение КНР вперед по пути хозяйственного прогресса. Фактически главный вывод, к которому подводит анализ итогов хозяйственной эволюции стран BRIC, сводится к констатации резкого углубления их экономической дифференциации. За последние 30 лет (1980—2010 гг.) ВВП КНР вырос более чем в 16 раз, в то время как в Индии он увеличился в 6 раз, а в Бразилии — примерно в 2 раза. При этом масштабы отрыва Китая от других членов группы BRIC повышаются с учетом сохраняющихся высоких темпов роста и того, что каждый процент прироста несет в себе более высокое содержание. Это подтверждают итоги последнего десятилетия. С 2000 г. по 2010 г. объем производства в КНР увеличился более чем в 2,5 раз, в Индии — примерно вдвое, в Бразилии — на одну треть, в Мексике — на 20%¹⁰.

Характерна и динамика другого чрезвычайно важного в современных условиях показателя — положения отдельных стран на мировом финансовом рынке. В соответствии с рейтингом Всемирного экономического фо-

рума (Financial Development Index) Китай переместился на этом рынке с 24-го места в 2008 г. на 22-е в 2010 г., в то время как Россия перешла с 36-го места на 40-е, а Индия — с 31-го на 37-е. В рамках группы BRIC по масштабам финансовых операций Китай все больше уходит вперед. Его доля по операциям с IPO за 2006—2010 гг. увеличилась с 27 до 51%, доля Бразилии также несколько возросла с 19 до 35%, а доля России упала с 12,5 до 0,68%. Аналогичные сдвиги происходят и на других направлениях финансовых операций (торговля акциями, облигациями и другими финансовыми инструментами).

Данную объективную реальность признают и сторонники концепции многополярного миропорядка. Авторы уже цитировавшегося доклада Всемирного банка «Многополярность: новая глобальная экономика» отмечают: «Китай находится в особом положении: это единственная из нарождающихся экономик, которую бесспорно можно отнести к современным центрам роста»¹¹. «Оптимисты» многополярности стремятся подкрепить свои позиции ссылками на то, что BRIC уже обрела черты реальной коалиционной группировки восходящих гигантов. Действительно, эта группа конституировалась в качестве определенного внешнеполитического инструмента. Ее регулярные встречи — с 2011 г. в расширенном составе (по приглашению КНР к работе BRIC присоединялась ЮАР) — превратились в переговорную площадку для обсуждения проблем, имеющих важное значение для стран-участниц. Однако вполне очевидно, что этот внешнеполитический статус не имеет прямого отношения к превращению членов группы в глобальные центры силы, что определяется совсем другими факторами: ростом экономической и военной мощи, усилением мирового политического влияния, расширением возможностей воздействия на мировую обстановку.

На этом фоне посткризисная эволюция мировой экономики постепенно меняет условия международного взаимодействия, порождает комплекс новых явлений, способных серьезно осложнить хозяйственное положение развивающихся стран.

УСИЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ

Главной характерной чертой посткризисного развития мирового хозяйства стало усиление экономической неустойчивости. Ее истоки определяются противоречивым характером антикризисной стратегии прежде всего центров капитализма, ориентированной на нейтрализацию кризисных явлений на основе вбрасывания в экономику масштабных государственных финансовых ресурсов. Это в свою очередь привело к резкому росту дефицитов государственных бюджетов, серьезному увеличению государственных долгов, что стало главным фактором, дестабилизирующим хозяйственную обстановку. Но дело, разумеется, не только в сложном и тяжелом наследии кризиса. В посткризисный период обозначились важные подвижки в ключевых движущих силах мирохозяйственного развития.

На предшествующем этапе (в 90-е годы и в первом десятилетии нынешнего века) главным генератором мирового спроса выступали США, что было обеспечено стремительным наращиванием потребительского кредитования и активным участием банковской олигархии США в системе финансовой глобализации. Эта фаза в экономической истории США, по-видимому, завершена. Западная Европа и Япония сталкиваются с еще более острыми посткризисными проблемами. Перед Евросоюзом в связи с резким обострением финансовых трудностей у целой группы западноевропейских стран (Греция, Ирландия, Португалия, Испания, Италия) возникла реальная опасность если не развала еврозоны, то по крайней мере основательной ее дезорганизации. Осуществляемые меры, в частности по спасению Греции, носят во многом палиативный характер, не решают проблемы в долгосрочном плане и выглядят скорее как средство вывода из-под удара немецких и французских банков — основных держателей греческих долговых обязательств. Фактический лидер Западной Европы — Германия не только не в состоянии взять на себя функции локомотива мирохозяйственного развития, но не готова выполнить эту роль даже в отношении европейской экономики. Все это означает, что мировая экономика по крайней мере на определенный период утратила главную движущую силу своего развития.

Эксперты Всемирного банка прогнозируют на ближайшие 15 лет средние темпы роста группы промышленно развитых государств на уровне 2,3%, а группы развивающихся стран и стран переходной экономики на уровне 4,7%¹². Но остается открытым вопрос, в какой степени периферия сможет реально стать локомотивом мирового хозяйственного прогресса, особенно в плане качественных параметров развития.

Другой фактор, предопределяющий немалую неопределенность и неустойчивость современной обстановки, связан с проблемой формирования новых экономических стратегий. Эта задача стоит как перед центрами капитализма, так и перед периферийными странами.

В США предприняты шаги по определенной корректировке условий функционирования финансово-банковского сектора. В 2010 г. Б.Обама внес предложения о реформе финансово-банковской системы, представленные как «правило Волкера» (Пол Волкер — бывший глава Федеральной резервной системы, являющийся в настоящее время экономическим советником президента). Реформу предполагается осуществлять по следующим направлениям: во-первых, разграничить сферы деятельности банков. Финансовые институты, привлекающие депозиты, не смогут вкладывать деньги в рискованные операции на рынках. Транзакции хедж-фондов должны быть отделены от банков. Во-вторых, ограничить размеры банков. По действующим правилам один американский банк не может контролировать более 10% национального рынка депозитов. Фактически же уровень монополизации значительно выше, на долю четырех крупнейших американских банков приходится более половины всех активов отрасли. В-третьих, усилить государственный надзор за деятельностью банков и других финансовых институтов, а

также рейтинговых агентств, ввести прозрачные правила по торговле деривативами, усилить защиту потребителей финансовых услуг.

Среди намечаемых мер существенное место занимает и идея «реиндустриализации», призванная ограничить процессы расширения аутсерсинга в промышленном производстве, поднять конкурентоспособность американской продукции путем блокирования роста зарплат и обеспечить увеличение ее экспорта.

Немалые усилия по формированию новых стратегий экономического развития прилагают и западноевропейские страны. Основным из них является свертывание социально ориентированных моделей развития с целью повышения конкурентоспособности национального капитала и снижения расходов государственного бюджета. Вводятся меры по установлению более строгого государственного регулирования финансово-банковского сектора (введение налога на трансакции — так называемый «налог Тобина» в размере 0,05% на все сделки с финансовыми продуктами), изменяются правила бонусных выплат высшему эшелону менеджеров, повышаются требования к собственному капиталу банков и др.

Вполне очевидно, что предпринимаемые шаги способны привести к определенным изменениям в системе международных экономических отношений: придать дополнительную остроту конкурентной борьбе, усилить протекционистские тенденции, углубить экономические противоречия между партнерами. Однако главное состоит в том, что в сфере поиска новых стратегий развития центрами капитализма делаются пока лишь первые шаги, фактически в этой области преобладает концептуальный вакуум, что предопределяет сохранение значительной неопределенности и неустойчивости на продолжительную перспективу.

Не менее сложные задачи стоят и перед развивающимися государствами. Новая обстановка, складывающаяся в центрах капитализма, несет с собой потенциальное ухудшение внешнеэкономических условий развития периферийных стран. Это предопределяет необходимость выработки стратегий развития, рассчитанных на мобилизацию внутренних возможностей развивающихся государств, расширение их внутренних рынков, более интенсивное использование собственных финансовых ресурсов. Эксперты Всемирного банка, комментируя предпосылки, необходимые для продвижения развивающихся стран вперед, констатировали: «Для обеспечения устойчивого роста... развивающимся странам необходимо провести структурные реформы, которые обеспечат поступательный рост, опирающийся на внутренние движущие силы, повышение производительности труда и увеличение спроса на национальном рынке»¹³.

При определении перспектив развития периферийных стран необходимо, видимо, в полной мере учитывать фактор взаимозависимости. Посткризисная эволюция их экономики (2010—2011 гг.) свидетельствует о сохранении ее сильной зависимости от состояния экспорта, направляемого преимущественно на рынки промышленно развитых государств. Отсюда следует, что предполагаемая динамизация экономического роста разви-

вающихся стран фактически невозможна без надежной стабилизации экономической обстановки в центрах капитализма. Более того, представляется, что преодоление последствий кризиса 2009 г. будет в решающей степени определяться фундаментальными сдвигами, связанными с формированием нового технологического уклада в промышленно развитых странах (нанотехнологии, биотехнологии, новые информационно-коммуникационные технологии). Этот процесс идет не быстро, а достаточно эволюционно.

В целом следует констатировать, что, несмотря на меры, предпринимаемые на национальном и международном уровнях, скольнибудь существенных перемен в условиях функционирования мировой экономики не произошло. Предпосылки, породившие мировой финансово-экономический кризис, не устранены, они продолжают действовать и несут с собой опасность повторения пережитых потрясений в еще более масштабном варианте.

Таковы некоторые общие параметры современной эволюции мировой экономики, оказывающие масштабное воздействие на внешние и внутренние условия поткризисного развития стран Латинской Америки.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Посткризисная обстановка, складывающаяся во внешнеэкономической сфере, оказывается для латиноамериканских стран во многом неоднозначной и противоречивой. Несмотря на вялую общехозяйственную конъюнктуру на мировых рынках сырья, энергоносителей и продовольствия в 2010—2011 гг. имело место существенное повышение цен. Так, в 2010 г. цены на нефть превышали уровень 2006 г. на 23%, на металлы — на 8%, на продовольствие — на 35%¹⁴. В 2011 г. высокий уровень цен на указанные товары сохранялся. Одновременно на мировых финансовых рынках преобладали низкие процентные ставки, что открывало для латиноамериканских стран возможности масштабного привлечения дешевых финансовых ресурсов. К тому же 2010 г. характеризовался существенной активизацией иностранных частных инвесторов. Объем прямых частных капиталовложений в регионе увеличился по сравнению с кризисным 2009 г. на 40%, хотя и не достиг докризисного максимума. Некоторые страны — Бразилия, Чили, Перу — получили рекордный приток прямых инвестиций. Эти обстоятельства дали основание для весьма оптимистичных оценок внешнеэкономических условий хозяйственного развития региона. Эксперты Межамериканского банка констатировали: «...для большинства стран региона сложится беспрецедентно благоприятная внешняя обстановка, что создаст предпосылки для ситуации, которую можно будет назвать «десятилетие Латинской Америки»¹⁵.

Однако объективный анализ показывает, что реальное положение довольно сложное и не дает оснований для подобного чрезмерного оптимизма. Мировые рынки сырья, энергоносителей и продовольствия весьма не-

устойчивы, что свойственно сегодня многим секторам мирового хозяйства. В основе взлета цен на многие сырьевые товары лежали внеэкономические факторы (типа военных действий в Ливии) и масштабные спекулятивные операции, которые в немалой степени стимулировались дешевым кредитом. Все это вряд ли способно обеспечить сохранение высокой конъюнктуры на мировых товарных рынках на продолжительный период.

Показательна, в частности, ситуация, формирующаяся на мировом нефтяном рынке. Страны-импортеры, стремясь заблокировать возможность дальнейшего повышения цен, объявили о решении Международного энергетического агентства (объединение стран-импортеров) выбросить на рынок из стратегических запасов 60 млн т нефти. В данной акции принимают участие США, Япония, Германия, Франция, Испания и Италия. Проведены также соответствующие консультации с Китаем — вторым крупнейшим потребителем нефти в мире. Одновременно в рамках ОПЭК выявились существенные различия в подходах к оценке положения на мировом рынке. На прошедшей в Вене в июне 2011 г. очередной сессии ОПЭК Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт предлагали повысить квоты нефтедобычи (на 1,5 млн баррелей в сутки), с тем чтобы снизить цены на нефть и обеспечить более благоприятные условия для мирового хозяйственного роста. Иран, Алжир и Венесуэла выступили против этого предложения. В итоге после венского саммита ОПЭК Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт пошли на самостоятельное увеличение добычи нефти. К сказанному следует добавить, что немалое воздействие на складывающуюся ситуацию может оказать нарастающее противостояние между Саудовской Аравией и Ираном. Ставшая в последнее время достоянием гласности «Саудовская доктрина национальной безопасности на следующее десятилетие» предусматривает возможность отказа Саудовской Аравии от ограничений на нефтедобычу с целью обрушить мировые цены и, подорвав нефтяные доходы Ирана, дестабилизировать режим Ахмадинежада. Как отмечают эксперты, Саудовская Аравия (вкуче с ближневосточными партнерами) обладает достаточно крупными резервными мощностями, позволяющими манипулировать рынком. Разумеется, пока не ясно, в какой степени реален указанный сценарий развития событий. Но несомненно, что все это придает немалую неопределенность перспективам эволюции нефтяного рынка.

Дешевизна ресурсов на мировом финансовом рынке также носит скорее всего временный характер и сменится их удорожанием по мере стабилизации экономической обстановки в центрах капитализма. Весьма неоднозначная ситуация складывается и в сфере вывоза капитала в форме прямых инвестиций. Мировой экономический кризис сильнее всего ударил по прямым иностранным капиталовложениям в центрах капитализма: они сократились почти втрое (с 1,4 трлн долл., в 2007 г. до 566 млрд долл. в 2009 г.). Причем в 2010 г. это сокращение продолжалось. Можно ожидать, что в перспективе традиционная структура вывоза капитала будет постепенно восстанавливаться. По имеющимся оценкам, Северная Америка и Евросоюз рассматриваются инвесторами в числе наиболее привлекательных ре-

гионов. В развивающемся мире приоритетом у инвесторов пользуется Южная и Юго-Восточная Азия, где лидирующее положение будут занимать Китай и Индия. Из числа латиноамериканских стран неплохие шансы на увеличение инвестиций имеет Бразилия. Но в целом возможности привлечения иностранного капитала латиноамериканским регионом по сравнению с азиатскими конкурентами выглядят ограниченными. В целом состояние этой сферы международных экономических отношений в большой степени будет зависеть от оздоровления хозяйственной конъюнктуры в центрах капитализма.

Что же касается постоянно действующих факторов, то здесь Латинская Америка сталкивается со сложным комплексом проблем. Прежде всего речь идет о малоблагоприятных перспективах экономического взаимодействия с центрами капитализма, которые выступают в качестве ведущих партнеров региона.

Динамика экономических отношений с США еще в докризисный период была весьма слабой. Так, за период с 2000 по 2007 г. доля США в латиноамериканском экспорте снизилась с 60 до 42%, а в импорте — с 50 до 36%¹⁶. В условиях кризиса товарооборот США с регионом заметно сократился. Особенно резким было снижение их импорта (более чем на четверть), что причинило существенный ущерб поставщикам нефти, меди, стального проката, кофе, а также некоторых видов готовых изделий (готовое платье, электронная аппаратура, автомобили). Эти сокращения во многом усугубили кризисный спад в Мексике, ряде стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Одновременно американский экспорт в регион упал примерно на одну пятую¹⁷. В перспективе можно ожидать дальнейшего постепенного ослабления позиций США во внешней торговле региона. По оценкам экспертов ЭКЛАК, доля США в латиноамериканском экспорте снизится с 38,6 в 2009 г. до 28,4% в 2020 г. и соответственно в импорте — с 33,1 до 26,1%¹⁸.

Примерно аналогичные тенденции прослеживаются и в экономических отношениях региона с другим ведущим партнером — Евросоюзом. Они характеризовались устойчивым ослаблением позиций западноевропейских стран на латиноамериканском рынке. За период с 1990 по 2006 г. их доля в латиноамериканском экспорте снизилась с 25 до 16%, а в импорте — с 20 до 15%. Кризис усугубил этот процесс. По итогам 2009 г. эти показатели составили соответственно 13,8% и 14,7%. Эксперты ЭКЛАК, давая оценку на 2020 г., прогнозируют долю ЕС в экспорте региона на уровне 13,6% и в импорте — 14,0%¹⁹. Острая финансовая ситуация, сложившаяся в еврозоне, несомненно, ослабляет конкурентоспособность Евросоюза и чревата серьезными последствиями для его хозяйственных отношений с развивающимися странами в том числе и с латиноамериканским регионом. Последний может столкнуться с реальной перспективой сужения возможностей и заинтересованности западноевропейского капитала в развитии делового сотрудничества.

Несколько благоприятнее складывается положение в сфере экономического сотрудничества региона с Японией. Как отмечают эксперты ЭКЛАК,

«В послевоенные десятилетия усиление экономической взаимозависимости между Японией и Азией оставляло Японии мало возможностей для того, чтобы рассматривать Латинскую Америку и Карибы как стратегическую базу для реализации своих мировых планов. Но в последние годы японский подход стал постепенно меняться... В настоящее время многие японские компании смотрят на регион другими глазами и рассматривают возможность его включения в качестве стратегической базы в свои мировые операции»²⁰. Действительно, в последние годы наблюдается заметное углубление торговых отношений Японии с регионом, ее экспорт в Латинскую Америку за 2005—2009 гг. вырос более чем на треть, а импорт больше чем на четверть. Накопленные инвестиции достигли почти 30 млрд долл.²¹. Расширяются и другие направления хозяйственного взаимодействия (соглашения о предоставлении японской государственной помощи развитию, соглашения об экономической ассоциации и др.). Важно, однако, подчеркнуть, что в отличие от ведущих хозяйственных партнеров — США и Западной Европы — Япония играет в системе внешнеэкономических связей региона сравнительно ограниченную роль. В свою очередь и Латинская Америка не является приоритетным партнером для Японии, далеко отставая по своему значению и от азиатских стран, и от промышленно развитых государств. Удельный вес региона в японском экспорте составляет менее 6%, а в импорте — 3,6%.

В поисках альтернативы традиционным партнерам страны Латинской Америки стремятся добиться географической диверсификации своих внешнеэкономических связей. Эти усилия принесли определенные результаты прежде всего на китайском направлении. Как уже отмечалось, роль Китая на латиноамериканских рынках и в качестве покупателя сырья и продовольствия, и в качестве поставщика готовой продукции существенно возросла. В повестку дня поставлена стратегическая задача расширения торгово-экономических отношений с Индией, государствами Юго-Восточной Азии и другими развивающимися странами. Но было бы, видимо, неверно переоценивать потенциал возможностей развивающегося мира, не учитывать действие фактора взаимозависимости, который предполагает неизбежное негативное влияние вялой конъюнктуры в центрах капитализма на состояние экономики периферийных стран. Прямое следствие действия этого фактора — нарастание трудностей сбыта товаров, экспортируемых развивающимися государствами, и как результат ограничение их импортных возможностей. Поэтому нельзя не согласиться с общим выводом, который делают эксперты ЭКЛАК: «Спрос и импорт развивающихся стран не будут достаточны, чтобы компенсировать падение спроса государств Евросоюза и США ... Развивающиеся страны в определенной степени придут на выручку мировой экономике, но не будут в состоянии восполнить потери, связанные с неблагоприятной обстановкой в США, Европе и Японии»²². Применительно к Латинской Америке имеющиеся прогнозы выглядят достаточно неутешительно. Так, по мнению экспертов Межамериканского банка, сохранение экономических трудностей в США и странах За-

падной Европы обернется для большой группы латиноамериканских государств существенным снижением темпов роста. По их оценке, на ближайшую перспективу средние темпы роста так называемого «мексиканского кластера» (Мексика, страны Центральной Америки и Карибского бассейна) не превысят 2,7%²³.

Все изложенное позволяет констатировать, что, несмотря на наличие современной довольно высокой сырьевой конъюнктуры, положение на мировом рынке является в значительной мере неустойчивым и сложным. В этой обстановке на перспективу нельзя исключать существенного ухудшения внешних условий экономического развития стран Латинской Америки.

СМЕНА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ — НЕОТЛОЖНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Фундаментальные изменения, намечающиеся в мирохозяйственном развитии, выдвигают перед латиноамериканскими странами (равно как и перед всем развивающимся миром) новые императивы. Им предстоит ослабить зависимость своего хозяйственного роста от внешнеэкономических факторов и максимально активизировать внутренние движущие силы экономического развития. Ключевыми предпосылками этой трансформации являются, во-первых, повышение роли государства в экономической жизни, во-вторых, выбор правильных ориентиров государственной социально-экономической политики.

Предыдущее 20-летие, получившее название эпохи неолиберализма, характеризовалось фронтальным свертыванием участия государства в экономике. Проведение масштабной приватизации государственной собственности, устранение основных форм государственного регулирования минимизировало влияние государства на основные хозяйственные процессы. Общие итоги неолиберального периода оказались мало благоприятны. Несмотря на жесткое следование основополагающим принципам неолиберализма (строгая финансовая дисциплина и низкие темпы инфляции), хозяйственное развитие региона было замедленным (в 1990—2008 гг. среднегодовой темп роста составил 3,2%), экономическая динамика неустойчива и в большой степени определялась состоянием внешнеэкономических факторов, находящихся вне пределов национального контроля латиноамериканских стран. Но наиболее неблагоприятные последствия неолиберализма сказались в социальной сфере. Комментируя эти последствия, эксперты ЭКЛАК отмечают: «Реальная средняя зарплата в 2008 г. едва превышала уровень периода долгового кризиса начала 80-х годов. В 1990—2008 гг. рост ВВП на одного занятого составлял 0,7% в год, но он, как представляется, не сопровождался повышением зарплаты... Еще более тяжелым является положение в неформальном секторе экономики, где занята половина городского населения»²⁴.

Восстановление экономической роли государства является сложным процессом, протекающим в обстановке острой борьбы ввиду противо-

ложности интересов различных социальных слоев латиноамериканских стран. Эта сложность и острота борьбы усугубляются постановкой принципиально новых задач, призванных серьезно изменить содержание национальных стратегий развития.

Первой из этих задач является формирование социально ориентированного экономического курса, нацеленного на утверждение принципов социальной справедливости. Для реализации данной задачи необходимо усилить перераспределительные функции государства и резко расширить его финансовую базу. Это предполагает осуществление радикальных налоговых реформ. При существующей системе налоговые поступления в государственные бюджеты минимальны (в 2008 г. — 18,7% от ВВП), а сама система фактически способствует усилению социального неравенства, ибо лишь менее трети налогообложения приходится на прямые налоги, а львиная доля приходится на косвенные налоги, включая налог на потребление. Поэтому после уплаты налогов распределение доходов становится еще более неравномерным. К тому же имеет место масштабное уклонение от уплаты налогов на доходы (оно колеблется по отдельным странам в пределах от 40% до 65%²⁵). В итоге перераспределительная роль бюджетных и налоговых систем в регионе минимальна (в 2008 г. она способствовала сокращению неравенства доходов всего на 3,8%. В Евросоюзе аналогичный показатель составлял 32,6%). Государство не осуществляет свои перераспределительные функции в пользу менее обеспеченных слоев населения и игнорирует принципы обеспечения социального равенства. Вполне очевидно, что переход к социально ориентированному развитию в экономическом плане означает расширение емкости внутреннего рынка и возможность более активно задействовать внутренние факторы хозяйственного роста.

Вторая задача включает интенсификацию усилий по мобилизации внутренних источников накопления и расширению национальных инвестиций в экономику. Низкий уровень инвестиций является одной из ключевых проблем, сдерживающих развитие экономики региона. В 80—90-е годы, а также в первой половине текущего десятилетия инвестиционная квота ВВП не превышала 18%. Лишь в предкризисный период она несколько повысилась (средний показатель за 2005—2008 гг. составил 20,4%), но все еще значительно отставала от уровня, достигнутого в 70-е годы (23,1%)²⁶. Следует отметить, что даже эта пониженная динамика в значительной степени поддерживалась масштабным притоком в регион иностранного капитала. Все это свидетельствовало о существенном сокращении потенциала внутренних источников накопления и национальных инвестиций. Между тем ускорение хозяйственного роста непосредственно зависит от решения инвестиционной проблемы. По расчетам экспертов ЭКЛАК, удвоение темпов хозяйственного развития до 6% требует увеличения инвестиционной квоты до 24—27%²⁷. В сложившихся условиях возрастающее значение приобретают стимулирующая государственная политика, нацеленная на создание благоприятных условий для расширения банковского кредито-

ния корпоративного сектора, равно как и прямое участие государства в финансировании экономики (в частности, отраслей инфраструктуры), в реализации совместных частно-государственных проектов. Очевидно, что эти меры будут в решающей степени зависеть от финансовых возможностей государства.

Наконец, третья задача предполагает существенную корректировку системы отношений с иностранным капиталом. Как показывает опыт, приход иностранных инвесторов отнюдь не означает их готовности учитывать в полной мере национальные интересы стран-партнеров. Традиционными целями инвестиционной деятельности является доминирование и подавление национального предпринимательства, создание анклавных предприятий типа экспортных платформ, жесткие ограничения на взаимодействие с национальным сектором экономики в области передачи передовых технологий, современных методов организации производства. Эксперты ЭКЛАК, подводя некоторые итоги сотрудничества региона с иностранным капиталом, в частности, констатировали: «После двух десятилетий либерализации режима прямых иностранных инвестиций производственная структура стран Латинской Америки и Карибского бассейна продолжает характеризоваться низкой производительностью и слабым распространением современных технологий. Многочисленные слияния и поглощения и новые проекты свидетельствуют о том, что большая часть иностранного капитала, поступившего в обрабатывающую промышленность, направляется в предприятия с низким или в лучшем случае средним уровнем технологии»²⁸.

Фактически эффективность политики по привлечению в регион иностранных инвестиций является низкой и не соответствует целям национального развития. Наглядное подтверждение этому дает сопоставление результатов, полученных ведущими странами региона и Китаем, в такой отрасли, как автомобильная промышленность. Китай за последнее десятилетие — период наиболее масштабного взаимодействия в ведущих автомобильными компаниями — превратился в крупнейшего в мире производителя автомобилей, причем в этой отрасли сложился сектор национальных производителей, которые не только заняли прочные позиции на китайском рынке, но и быстро расширяют свое присутствие на внешних рынках. В Бразилии и Мексике также имел место рост производства и иностранных инвестиций, но в отрасли изначально доминировал иностранный капитал, и шел процесс подавления национальных производителей. Попытки национального капитала ассоциироваться с быстро растущим автостроением блокировались, а из смежных отраслей национальные производители вытеснялись. Так, в течение последнего десятилетия численность бразильских компаний, занимавшихся выпуском автомобильных деталей и комплектующих, сократилась с 500 до 150, и доминирующее положение в этих отраслях перешло к иностранным производителям²⁹.

Автомобильная промышленность — не единственный пример. Многие отрасли, особенно высокотехнологичные, где преобладает иностранный

капитал (в частности, производство компьютерной техники, программного обеспечения, телекоммуникационной аппаратуры, средств мобильной связи и др.), развиваются по аналогичному сценарию. Коренные национальные интересы латиноамериканских стран требуют перестройки взаимодействия с иностранным капиталом на базе большего равноправия и взаимной выгоды, расширения возможностей развития национального предпринимательского сектора.

Вокруг новых принципов формирующейся социально-экономической стратегии развертывается острая полемика. Многие ее составляющие вызывают активные возражения. Обращает на себя внимание, в частности, резко усилившаяся за последнее время пропаганда тезиса об объективном характере таких явлений, как бедность и обездоленность больших масс населения региона, в основе которых, по мнению авторов данного тезиса, лежат не присвоение господствующей верхушкой латиноамериканского общества подавляющей части результатов экономического прогресса, а низкая производительность труда и недостаточная эффективность экономики. Отсюда вывод: первостепенное внимание в социально-экономической стратегии следует уделять интенсификации производства, не отвлекаясь на проблемы социального неравенства, которые, если и имеют место, то являются вторичными и будут урегулированы по мере ускорения экономического прогресса региона.

Процесс формулирования новой социально-экономической стратегии находится в начальной фазе, и пока неясно, в какой степени странам региона удастся добиться своей главной цели — повысить роль внутренних факторов в экономическом развитии. Это придает существенную неопределенность перспективам хозяйственной эволюции латиноамериканских государств.

Нет сомнения, что переход к новой социально-экономической стратегии, выбор новых ее ориентиров представляют собой сложную задачу, но лишь ее успешное решение способно обеспечить необходимые условия для продвижения стран Латинской Америки вперед по пути социально-экономического прогресса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The World Bank. Global Development Horizons 2011. Multipolarity: The New Global Economy. Washington, 2011, p. XI.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 3, 38.

⁴ Ibid., p. 46.

⁵ The United States and Latin America and the Caribbean Highlights of economics and trade. March 2011. Santiago de Chile, p. 4.

⁶ CEPAL. The People's Republic of China and Latin America and the Caribbean: Towards a Strategic Relationship. Santiago de Chile, 2010, p. 13.

⁷ The World Bank. Global Development, p. 16.

⁸ CEPAL. La transformación productiva. 20 años después: viejos problemas, nuevas oportunidades. Santiago de Chile, 2008, p. 21.

- ⁹ Оценка на базе данных: «Мировая экономика: прогноз до 2020 г.». Институт мировой экономики. М., 2007, с. 373, 380.
- ¹⁰ A. M a d d i s o n. The World Economy in the 20th Century. Paris, 1989. A. M a d d i s o n. Monitoring the World Economy 1980—1992. Paris, 1995. IMF. World Economic Outlook. Washington, 1998, April; 2003, April; 2008, April; 2011, April.
- ¹¹ The World Bank. Global Development, p. 19.
- ¹² Ibid., p. 3.
- ¹³ Ibid., p. 14.
- ¹⁴ IDB. One region, two speeds? Challenges of the New Global Economic Order for Latin America and Caribbean. Washington, march 2011, p. 5.
- ¹⁵ Ibid., p. X-XI.
- ¹⁶ CEPAL. Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile, 2008, p. 35.
- ¹⁷ CEPAL. C r a i g V a n G r a s s t e k. Trends in United States Trade with Latin America and the Caribbean and Trade Policy Towards the Region. Santiago de Chile, 2009, p. 11.
- ¹⁸ CEPAL. The People's Republic of China and Latin America and the Caribbean: towards a Strategic Relationship. Santiago de Chile, 2010, p. 13.
- ¹⁹ CEPAL. Panorama de la inserción, p. 126; People's Republic of China, p. 13.
- ²⁰ CEPAL. Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe 2009—2010. Santiago de Chile, 2010, p. 153.
- ²¹ Ibid., p. 154.
- ²² Ibid., p. 50.
- ²³ IDB. One region, two speeds?, p. 13.
- ²⁴ CEPAL. La hora de la calidad. Brechas por cerrar, caminos por abrir. Santiago de Chile, 2010, p. 56.
- ²⁵ Ibid., p. 252.
- ²⁶ Ibid., p. 59.
- ²⁷ CEPAL. Estudio económico para América Latina y el Caribe 2005, 2006. Santiago de Chile, 2006, p. 28.
- ²⁸ CEPAL. La inversión extranjera directa en América Latina y el Caribe 2009. Santiago de Chile 2010, p. 73.
- ²⁹ Ibid., p. 142.